

**Немецкая *weihnachtsbaumschmuck* на русской новогодней елке:
к проблеме культурного взаимодействия***

Существует множество способов, ракурсов и аспектов репрезентации вещи в культуре. Ее можно рассматривать как результат индивидуального или группового, коллективного (социального, профессионального, возрастного, гендерного, национального и пр.) производственного и потребительского опыта и как орудие властных практик. В системе материальных и ментальных ценностей эпохи она может быть представлена и описана как изделие и как товар, как предмет и как носитель информации, как порождение культуры и как ее явление. Особую сложность заключает в себе процесс понимания, транскрибирования и интерпретации «вещного» текста и перекодирования языка его оригинала. В нашем случае елочная игрушка представлена и как объект, и как средство изучения российской праздничной повседневности. Представляется возможным также применение к елочной игрушке предлагаемого сегодня некоторыми исследователями метода «культурной биографии вещей» (по аналогии с антропологически ориентированной биографистикой)¹, но не в узком смысле, как только биографии товара, а в гораздо более широком смысле, как истории бытования и существования вещи в культуре, как источника по истории жизни общества². Все это позволяет вписать изучение елочной игрушки в контекст четко обозначившегося в последнее время «материального» познавательного поворота в гуманитаристике и показать, как «консьюмеризм, семиотика и рост культурных исследований»

* Доклад подготовлен на основе материалов из книги автора «История елочной игрушки в России», которая готовится к публикации издательством «Новое литературное обозрение» (Москва).

¹ Kopytoff Y. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // Appadurai A. (ed.). The Social Life of Things. Cambridge, 1996.

² Недаром одной из основных задач истории и социологии материальной культуры признается изучение процессов развития общества через изучение повседневной жизни его членов, а вещь выступает в данном случае и как источник по истории познания повседневности, и как источник по изучению социально-исторических и историко-культурных процессов. (См.: Кнабе Г.С. Вещь как феномен культуры // Музеи мира. М., 1991. С. 111-141).

могут обеспечить новые подходы¹ в изучении прошлого. Ведь вещи особо ценны тем, что с ними совсем по-иному «прочитывается» повседневность: они хранят в себе осколки чужих вкусов, мечтаний, настроений, желаний и просто самой жизни.

Русская елочная игрушка, безусловно, представляла собой совокупный продукт отечественной и западноевропейской, прежде всего, немецкой культуры. Если говорить об истории елочных украшений в России, об их производстве и потреблении, о здешних изменениях в елочной моде и елочных «пристрастиях», корнями своими они, безусловно, уходили в немецкую традицию. Ведь, как известно, именно Германия считается первой европейской страной, где в Рождество стали устанавливать наряженную елку.

В некоторых исследовательских работах² и, в особенности, в популярной литературе типа путеводителей не раз утверждалось, что особые деревья, приуроченные к Рождеству, впервые были установлены ганзейскими купцами на городских площадях Таллинна (Ревеля) и Риги еще в 40-е гг. XV в. Холостые юноши и незамужние девушки пели и танцевали у этих деревьев, по окончании же праздника деревья сжигали. Однако в новейших исследованиях эстонских и латвийских историков убедительно доказано, что эта традиция к Рождеству прямого отношения не имела³. Таким образом, приоритет Германии в этом вопросе уже не оспаривается.

Как утверждает большинство специалистов, украшенная елка в сценарий празднования немецкого Рождества попала из средневековых германских мистерий об Адаме и Еве, разыгрывавшихся на церковных папертях (так называемой «игры в рай»), где выставленное Райское дерево, увешенное яблоками, символизировало сад Эдема⁴. Во время мистерий украшенное дерево

¹ Pykett L. *The Material Turn in Victorian Studies*. Aberystwyth, 2009 // URL: <<http://www3.interscience.wiley.com/journal/118718.685>>; Bennet T., Joyce P. (ed.) *Material Powers: Cultural Studies, History, and the Material Turn*. Sidney, 2010; etc.

² См., например: O’Konnor K. *Culture and Customs of the Baltic States*. Westport, 2006. P. 93.

³ Mand A. *Urban Carnival, Festive Culture in the Hanseatic Cities of the Eastern Baltic, 1350-1550*. 2005. P. 37.

⁴ Harding P. *The Christmas Book: A Treasury of Facts*. L., 2007. P. 44, 149.

всегда ставилось на той стороне импровизированной сцены, которая символизировала искупление.

Когда в период Контрреформации в середине XVI в. мистерии были повсеместно запрещены, елки переместились в дома горожан, где их стали украшать фруктами, сладостями, а позднее – свечами. Первоначально в качестве украшений использовались не целые деревья, а сосновые и еловые ветви. Этот обычай был упомянут уже в 1494 г. в знаменитом стихотворном сочинении известного немецкого ученого и гуманиста Себастьяна Бранта «Корабль дураков», своего рода светской Библии того времени. Позднее в правобережье и левобережье Рейна стали устанавливать небольшие рождественские деревца, которые обычно либо размещали на столе, либо подвешивали к потолку. В 1535 г. такие деревца продавались на страсбургском рынке¹.

В литературе и большинстве справочных изданий преобладает утверждение о том, что первая рождественская елка (точнее, сосна) была установлена в 1521 г. в Эльзасе. Церковная запись упоминает об установке рождественского дерева в Страсбургском соборе в 1539 г. Были ли эти деревья украшены, источники не сообщают. Однако уже в XV – первой половине XVI в. вырубка их в Германии была такой активной, что законодательно было запрещено рубить в лесу более одного дерева на человека².

Первые упоминания об украшенных «райских» деревьях, установленных вне церкви, относятся уже ко второй половине XVI в., когда они появляются на общественных праздниках цехов и братств и уже дистанцируются от «игры в рай». В обнаруженной И. Вебер-Келлерманн бременской гильдейской хронике 1570 г. сообщается об установке для детей в здании гильдии небольшой елки, украшенной яблоками, орехами, финиками, соленым печеньем и бумажными цветами³. На немецких рождественских базарах второй

¹ См.: Damaschke S. Glaubenskriegum den Tannenbaum // URL: <<http://www.dwworld.de>>

² См.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts: Kunst, Kitch und Kuriositäten. München, 1993. S. 7.

³ Weber-Kellerman I. Das Weihnachtsfest: Eine Kultur und Sozialgeschichte der Weihnachtszeit. Luzern, Frankfurt/M., 1978.

половины XVI в., например, на нюрнбергском («Nürnberger Christkindlesmarkt»), продавались имбирные пряники и другие рождественские украшения¹.

Уже тогда обычай украшать елку был разнесен по городам «немецкой» Европы, в частности, он обнаруживается в 1597 г. в Базеле, где установленные в скорняжных цехах рождественские деревья украшали яблоками и сыром. Сведения о расходах на украшение рождественских деревьев содержатся также в счетах торговцев эльзасского города Тюркхайма за 1597-1669 гг., где упомянуты затраты на приобретение яблок, облаток, цветной бумаги и нити. Похожим образом украшенные деревья устанавливали члены городского совета, цеховые мастера, священники и другие почтенные горожане в Шлеттштадте, Фрайберге и Берне². К 1605 г. относится письменное свидетельство об установке в домах страсбургских горожан рождественских елок, украшенных бумажными розами, яблоками, вафлями, золотой фольгой, сахаром и другими предметами³.

Недовольная «языческим» украшением елки, церковь оставила свои свидетельства в пользу распространенности этого обычая в Германии. В трактате знаменитого страсбургского теолога и проповедника Иоганна Конрада Даннхауэра, относившемся к 1645 г., резко осуждалась «увешенная куклами и сладостями» устанавливаемая в домах рождественская ель. Автор трактата называл ее «Lappalie» («мелочностью») и «Kinderspiel» («детской игрой»), а также недопустимой заменой «слову Божьему, с коим и следует праздник сей встречать»⁴.

Более широкое распространение украшенное рождественское дерево получило в Германии во второй половине XVIII в., но происходило это распространение неравномерно – на протестантском севере гораздо быстрее и

¹Нюрнбергское Рождество // URL: <<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4509179,00.html>>

² См. подробно: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 7.

³ Tille A. Die Geschichte der deutschen Weihnacht. Leipzig, 1893. S. 258. Цит. по: Miles C.A. Christmas Customs and Traditions: Their History and Significance. N.Y., 1976 (first published in 1912). P. 265.

⁴Цит. по: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 8.

успешнее, чем на католическом юге, где по-прежнему принято было насмеяться над этой евангелической традицией, а сам протестантизм именовать «религией рождественской елки» (рождественская елка как конфессиональный символ протестантизма противопоставлялась католическому рождественскому вертепу)¹, и в городах несоизмеримо быстрее, чем в деревне (например, в Баварии к середине XIX столетия в сельской местности рождественская елка была практически не известна, и ситуация не изменилась здесь вплоть до начала XX в., в Саксонии на протяжении всего XIX в. вместо живой елки обычно использовались так называемые «пирамиды» – деревянные конструкции пирамидальной формы, украшенные цветной бумагой и свечами, моду на которые ввели резчики из саксонского города Эрцгебирге, а в некоторых южно-немецких землях было принято украшать не всю елку, а только елочную верхушку².

Лишь объединение страны привело к известной унификации елочного убранства. Решающую роль в распространении елочной традиции сыграла франко-прусская война 1870 г., когда рождественские елки стали устанавливаться в окопах (обычно офицерами) как знак связи с родиной. Во второй половине XIX в. наличие убранной рождественской елки превращается в общегерманскую традицию, а сам праздник обретает форму устоявшегося ритуала³.

Интересно заметить, что помимо елок для «живых» в Германии существовали и елки для «мертвых». На Рождество они устанавливались на кладбищах. Могилы убирала омелой и падубом и ставили маленькие елочки с мерцающими огоньками, может быть, для того, чтобы разделить с ушедшими

¹ Об этом см.: Damaschke S. Glaubenskriegum den Tannenbaum. Op. cit.

² Rietschel G. Weihnachten in Kirche, Kunst und Volksleben. Bielefeld, Leipsic, 1902. P. 151. Цит. по: Miles C.A. Christmas Customs and Traditions. P. 266; Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 266; Нарожная С. Рождественские пирамиды // Антикватория. 2004. № 1. С.102-103; Рождество в Дрездене // URL: <http://www.decorbells.ru/travel_dres_w.htm> и др.

³ Hewitt J. The Christmas Tree. N.Y., 2007. P. 12.

радость наступившего праздника. Сообщения об этой традиции встречаются в немецкой и британской периодической печати рубежа XIX – XX вв.

Описание украшенной «классической» немецкой елки, восходящее еще к первым десятилетиям XIX в., можно найти в известнейшей рождественской сказке Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Щелкунчик и мышиный король» (1816): «Большая елка посреди комнаты была увешена золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сладости. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло»¹.

Из Германии обычай устанавливать и украшать рождественскую елку – «милая немецкая затея!» (Чарльз Диккенс) – распространился по всей Европе и в Новом Свете. Не обошел он и Россию. Однако, восприняв «немецкую» елочную модель с соответствующей ей системой практик, российский потребитель елочной игрушки использовал ее, исходя из результатов собственного опыта. В результате в России был выработан свой вариант предметного насыщения праздничного елочного пространства, окончательно оформившийся к рубежу XIX-XX вв.

Считается, что сама елка как символ новогоднего праздника появилась в России согласно петровскому указу от 20 декабря 1699 г., который Петр I издал по возвращению из-за границы. Этот указ предписывал украшать хвоей (елью, сосной, можжевельником и их ветвями) к новому, перенесенному отныне с 1 сентября на 1 января, году, улицы, дороги и дома. Но к немецкой рождественской елке подобное новшество имело малое отношение: это был лишь способ декорирования городского праздничного пространства. Специальное украшение елки не предусматривалось. После смерти Петра I это на-

¹ Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышиный король // Гофман Э.Т.А. Крейслериана: Новеллы. М., 1990. С.108.

чинание было фактически забыто и, что весьма курьезно, свято соблюдалось лишь кабатчиками, продолжавшими украшать елками крыши и входы в питейные заведения¹.

Качественный скачок в восприятии, понимании и оценке мира семьи и мира детей в России пришелся на 20-30-е гг. XIX в. Казалось бы, в сформулированной и предложенной графом С.С.Уваровым в 1832 г. теории «официальной народности», составлявшей идеологический концепт николаевского царствования, не было места для «западной» елки. Однако на самом деле в основе этой доктрины лежал образ России как единой семьи, в которой императору принадлежала роль заботливого отца, а его подданным – роль послушных детей. В таком контексте домашние, семейные праздники представлялись реальным способом сплочения и семьи, и нации, способом конструирования и обретения национальной идентичности.

Если в начале XIX в. украшенные рождественские елки устанавливались лишь в домах петербургских немцев, перенесших на новую родину обычаи и традиции своей страны, то уже в 1830-е гг. они стали непременным атрибутом рождественских праздников при царском дворе (считается, что инициированы они были супругой Николая I императрицей Александрой Федоровной, урожденной прусской принцессой Шарлоттой, что выглядит достаточно убедительно, поскольку роль европейских венценосных особ, являвшихся выходцами из Германии, в распространении рождественской елочной традиции, хорошо известна)², а 1840-е гг. уже устанавливались во многих петербургских русских аристократических, а затем и просто состоятельных семьях. Однако массовым явлением в русской провинции и в усадьбе рожде-

¹ См. подробнее: Душечкина Е.Н. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002. С. 61-63.

² Считается, что в Великобритании украшенную свечами ель в состав рождественских празднеств впервые ввела в 1800 г. супруга Георга III королева Шарлотта Мекленбургская, в Вене первое украшенное рождественское дерево установила в 1816 г. принцесса Генриэтта-Нассау-Вайльбургская, в Париже, в Тюильри, в 1840 г. – герцогиня Орлеанская, урожденная принцесса Елена Мекленбургская. (См.: Рождество во Франции // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 279; Лихачева С. Рождество у англичан // Большая книга Рождества. С. 229.

ственские елки становятся, начиная со второй половины XIX в. Теперь украшенную елку можно было часто встретить в семьях профессоров, врачей, купцов, предпринимателей, творческой интеллигенции, а не только высшей аристократии.

Врастание немецкой елки в русскую почву было весьма успешно и стремительно во многом благодаря постоянной и устойчивой трансляции в российскую среду немецких культурных символов. Трансляция их в российский детский мир как приоритетное место приложения праздничных елочных практик осуществлялось через школу, учителей, учебники, детские игрушки и т.д. Наличие елки в доме свидетельствовало о приобщенности к европейской культуре, что весьма льстило хозяевам и поднимало их социальный статус в глазах ближайшего окружения. Посещая благословенную Европу и весьма часто – Германию, русские путешественники могли наблюдать, сравнивать и воспринимать, а воспринимая – заимствовать. Результатом такого «культурного заимствования» и явилось приложение рождественской елки и многих ее атрибутов к российской культурной среде, за которым последовало ее постепенное укоренение и «обрусение», выразившееся в обретении ею ряда своеобразных «национальных» черт.

Такое успешное вхождение «немецкой» елки в русскую жизнь потребовало изобилия елочных украшений. Но с этим в России (как, впрочем, и в других странах, за исключением самой Германии) было довольно сложно. На первых русских елках 1840-х – 1850-х гг. висели либо «съедобные» (конфеты, фигурные пряники, орехи, завернутые в золотую и серебряную фольгу), либо самодельные украшения¹. Несмотря на высокую востребованность, производство елочной игрушки – даже кустарное и полукустарное – было развито в России очень слабо и во многом носило подражательный характер: немецкое влияние осуществлялось, в частности, через скупщиков, которые знакомили русских кустарей-стеклодувов с образцами привозимых из-за гра-

¹ См., например, иллюстрацию к повести А. Вороновой «Святки в 1847 году» («Детские портреты». СПб., 1855), приведенную на вклейке в книге М.С. Костюхиной «Игрушка в детской литературе». СПб, 2008.

ницы елочных игрушек. На практически единственной в России петербургской фабрике елочных украшений игрушки изготавливались в основном из ввезенных немецких заготовок, например, использовались «немецкие» кукольные лица, выполненные в технике хромолитографии¹.

Русские производители не могли конкурировать с немецкой промышленностью: к 1880-м гг. с развитием фабричного производства немецкая елочная игрушка стала одной из самых дешевых и, соответственно, распространенных в мире², и в значительной степени заполнила собой российский рынок. Особенно интенсивно развивалось производство елочных украшений в Саксонии и Тюрингии³.

Как писала одна из наиболее видных немецких исследователей елочной игрушки Э. Штилле, елочные украшения в Германии в это время производили из всех мыслимых и немыслимых материалов во всех отраслях народного хозяйства⁴. Достигнутый здесь высокий технико-технологический уровень елочно-игрушечного производства позволил успешно решить проблему доступности, массовизации, а главное – разнообразия елочной игрушки, что способствовало и удовлетворению широкого потребительского спроса, и широкого потребительского выбора.

Русские оптовые торговцы один-два раза в год обязательно выезжали в Германию за елочной игрушкой. Как отмечал русский педагог и исследователь игрушки Л.Г. Оршанский, «все дешевое, доступное, умело распространяемое, крепко оседающее» на рынке игрушек и елочных украшений шло в то время в Россию из Германии и в 1910 г., например, даже несколько превышало, по его подсчетам, экспорт в такие страны, как США или Англия⁵. Тающий «сусальный ангел» Александра Блока – это тоже немецкая елочная игрушка, о чем прямо сказано в одноименном стихотворении, написанном 25

¹ Русская елочная игрушка из коллекции Ким Балашак. М., 2002. С.46.

² Оршанский Л.Г. Игрушки: Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. М., Пг., 1923. С. 32.

³ Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 12.

⁴ Ibidem.

⁵ Оршанский Л.Г. Игрушки. С. 52, 59.

ноября 1909 г. («Но ангел тает. Он – немецкий, ему не больно и тепло»)¹. Первые стеклянные украшения, появившиеся на русских елках в середине XIX в., также представляли собой исключительно немецкие изделия.

Отсутствие собственного производства елочной игрушки обусловило до некоторой степени и тот факт, что русская елка долгое время оставалась «аполитичной» и была практически лишена той «национальной» символики, которые отличали елки в Германии. Расцвет «патриотической» немецкой елочной игрушки пришелся на время Первой мировой войны, когда празднование Рождества в Германии приобрело особое идеологическое звучание. Как указывал немецкий историк Ю. Мюллер, формируя единство и сплоченность германской нации, производители выпускали елочную игрушку в виде черно-бело-красных национальных флажков (флагов) и гирлянд, орлов, железных крестов, ставших в ту пору основной военной наградой, шаров, стеклянных розеток и нитяных звезд с изображением кайзера Вильгельма. В черно-бело-красный цвет раскрашивались и другие рождественские украшения, на елку они подвешивались на черно-бело-красных ленточках. Популярными стали елочные игрушки в виде ручных гранат, мин и винтовок, подводных лодок, дирижаблей и цеппелинов. Существовала даже специальная рождественская выпечка в форме железного креста².

Аскетично украшенная «военная» елка устанавливалась и в «русских» окопах, но она по-прежнему была лишена какой бы то ни было «патриотической» символики: как писал в школьном сочинении со слов своего двоюродного брата, воевавшего под Варшавой, ученик одной из петроградских школ П. Курочкин, «у них была на Рождество (1914 года – А.С.) елка в окопах и горело пять штук свечей»³.

¹ Блок А. Сусальный ангел // Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. III. М., Л., 1960. С.133.

² Хавронин А. Свастика на елочку // URL: <<http://www.svobodanews.ru/content/article/1907610.html>>; Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. P. 44.

³ Школьные сочинения о Первой мировой войне // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Т.VI. М., 1995. С. 454.

Всплеск патриотической лихорадки в России в годы первой мировой войны не привел к появлению российской «патриотической» игрушки, но зато на волне усиления германофобских настроений стимулировал кампанию по борьбе с «немецким засильем», что вылилось, в частности, в попытки ограничить ввоз и распространение немецкой елочной игрушки в России. Но собственное производство не могло насытить рынок, поэтому немецкие елочные украшения по-прежнему господствовали на прилавках российских магазинов, хотя цены на них существенно повысились. И по-прежнему они раскупались с удовольствием и быстро – Первая мировая война не смогла резко изменить положительное отношение к рождественскому дереву на отрицательное. Среди рождественских рисунков русских детей, выполненных в годы Первой мировой войны после зимних каникул, наиболее популярным сюжетом был сюжет «встречи Рождества на позиции» (у мальчиков) и «Рождество в лазарете» и «Раненые убирают елку» (у девочек)¹. Именно к Рождеству приурочивали многие дети в своих мечтах момент долгожданного «замирения» с германцем: «Пришла бумага, что война кончилась. Дело случилось как раз пред Рождеством и на радушках мы сделали большую елку. И на ней мы очень здорово плясали и песни играли»².

Как бы то ни было, к 1917 г. и елка, и елочная игрушка стали для большинства русских людей (особенно принадлежащих к высшим и средним слоям городского населения) явлением обычным и привычным. Но производство елочной игрушки носило в России в основном подражательный характер и не вылилось в конечном итоге в создание оригинальной эстетики российского елочного украшения.

Явившись сюда из Германии и будучи «иностранкой» в России, елочная игрушка проделала долгий и трудный путь, пока не стала здесь по-

¹ См.: О.И., Н.Т. Война в рисунках детей // Дети и война. Киев, 1915. С. 97-98, 107-108; Щепинский А. По поводу московской выставки детского рисунка // Искусство и жизнь. 1916. № 5. С. 13 и цветные вклейки.

² Сочинение Антона Янтикова «Война кончилась (Как будет после окончания войны)» // Левитин С. Крестьянские дети и война // Русская школа. Сентябрь – октябрь 1915 г. № 9 - 10. С. 80.

настоящему своей. И произошло это, как ни странно, уже позднее, в советское время, когда созданная в соответствии с новым политическим и эстетическим канонами елочная игрушка стала одним из важнейших инструментов воспитания советских граждан и непременным атрибутом советской праздничной культуры. Однако изменившееся почти до неузнаваемости смысловое содержание, а зачастую и форма елочных украшений отнюдь не свидетельствовали о полном разрыве с их немецкими истоками и традициями, и о противопоставлении их немецким аналогам. Особенно отчетливо проявилось это в годы второй мировой войны, когда елочная игрушка использовалась как важное пропагандистское и воспитательное средство не только советскими воспитателями, но и нацистскими идеологами.